Лит. Россия, 1967, № 8, 17 февр.

интервью «Литературной России»

На киностудии «Мосфильм» закончены съемки фильма «Про чудеса» по книге Галины Николаевой «Рассказы бабки Василисы про чудеса». Поставил картину лауреат Ленинской премии режиссер Владимир Монахов по сценарию Алексея Леонтьева. Корреспондент «Литературной России» попросил режиссера поделиться с читателями своими мыслями по поводу экранизации произведений литературы.

Владимир МОНАХОВ:

СКАЗОЧНАЯ И ЗЕМНАЯ ВАСИЛИСА

Мы часто забываем о поразительной молодости кино. У современного кинематографа еще ломается голос — так молод он в сравнении с литературой, музыкой, живописью. За их плечами — века. У кинематографа — несколько десятилетий. Но мужает этот шестидесятилетний юнец с поразительной быстротой. И арсенал выразительных средств кинематографа увеличивается с каждым днем. То, что было абсолютно невозможно выразить на экране десять—пятнадцать лет тому назад, сегодня вполне достижимо и осуществимо.

Невероятной казалась попытка передать на экране процесс мышления человека, раскрыть в пластических образах то, что происходит в его сознании. Сегодня мы знаем такие фильмы. Я говорю об этом, потому что в последнее время кинематограф смело и по праву вторгается в те области человеческой жизни, которые прежде считались монополией литературы. Кинематограф научился **видеть** сокровенный внутренний мир героя произведения. Видеть глазами современного человека. Не случайно и наши, и зарубежные режиссеры обращаются к самым сложным для экранизации произведениям литературы.

Именно литература чаще, чем, к сожалению, специально написанные киносценарии, позволяет кинематографу обратиться к глубинным философским проблемам непреходящего значения, заставить зрителя взволноваться и задуматься.

Мне думается, что в обращении к литературе, помимо субъективной, личной приверженности режиссера к тому или иному произведению, немаловажно и то, что это произведение уже так или иначе апробировано читателем, вынесшим свое мнение, принявшим или не принявшим труд писателя.

Но при всем том я убежден, что экранизаций в чистом виде не существует. Да их и не должно быть. Когда режиссер обращается к литературному произведению (я говорю о специфической стороне вопроса), он ищет в нем материал, близкий ему по духу, созвучный по мыслям, и отбирает этот материал. Я категорический противник слепого следования за писателем, ибо режиссер и сценарист должны исходить из законов кинематографа, во многом отличных от законов литературы. Вот почему не имеет права на существование элементарный перевод произведения из одной области искусства в другую. В подобном случае получается не экранизация произведения, а киноиллюстрация его.

Истинное знание законов кино позволяет найти эквивалент законам литературы и дает возможность автору-кинематографисту создать новое произведение, равное литературному первоисточнику.

Я уже не говорю о том (это не имеет отношения к моей конкретной работе), что художник-кинематографист может оказаться по своей гражданской зрелости выше автора литературного произведения и тогда возникает фильм, имеющий более широкое общественное звучание, чем первоисточник. Правда, часто в практике бывает и наоборот.

Сейчас я закончил экранизацию «Рассказов бабки Василисы про чудеса» Галины Николаевой. Это моя вторая режиссерская работа. Первый фильм — «Непрошенная любовь» — был создан по рассказу Михаила Александровича Шолохова «Чужая кровь». Для меня Шолохов — целый мир. В каждом его произведении ощутимы могучий талант, широкое, раздольное дыхание, сила характеров, яростная страсть его героев. Работа над «Чужой кровью» была для всех нас делом чести. Это один из ранних шолоховских рассказов, написан он о прошлом, которым мы дорожим и гордимся. Мы стремились подчеркнуть в картине то, что навсегда осталось с нами, что ближе всего нам сегодня,—живущую в человеке потребность в любви и его способность простить и прощать во имя этой любви...

Теперь я обратился к последнему произведению Галины Николаевой. Я увидел в нем возможность поговорить со зрителем о вечно живых и всегда важных для человека понятиях — Таланте, Добре, Любви, Мужестве, — к которым искусство обращалось всегда, но которые никогда не могут быть исчерпаны до конца. Мне близка мысль писательницы о том, как в обыкновенном и привычном неожиданно открывается чудо — из тех чудес, что заставляют человека задуматься и переосмыслить многое в самом себе. Но, начиная непосредственную работу над сценарием совместно с кинодраматургом А. Леонтьевым, мы понимали необходимость создания принципиально нового произведения. Не просто по «Рассказам бабки Василисы», **а по мотивам этих** рассказов.

У писательницы одна новелла следует за другой: кончила Василиса одну историю, начала другую... Но, подчинясь такому композиционному строю, мы бы нарушили жизненную правду киноповествования. Мы задумали свою работу как фильм-исповедь, фильм-размышление. Василиса исповедуется самой себе. Так появилась возможность естественно прерывать действие, вводить неожиданные переходы и обращения к прошлому.

Стремясь к свободному варьированию событий, мы сделали необходимую перестановку внутри повествования, нашли иные сюжетные сцепления. Но внутренний сюжет, безусловно, существует — это ход мыслей Василисы, он и определяет последовательность происходящего на экране.

Несколько переосмыслен и образ самой Василисы. В героине книги есть что-то от сказительницы, мудрой старухи, всех поучающей. Но сам перед собой человек таким быть не может — это ему не свойственно. Василиса виделась нам более земной, если хотите, по-земному грешной. Мы слегка даже акцентировали то, что намечено у писательницы. Наша Василиса не сразу понимает и силу, и веру своей невестки Лельки, воспринимая ее как немудрящего влюбленного заморыша. Не сразу угадывает в Степане то настоящее и верное, что с первого взгляда полюбила в нем ее дочь Граня.

Появились некоторые новые герои. Марья, сестра Василисы, — эпизодическая фигура одной из новелл Николаевой. Нам показался интересным этот намеченный характер, своего рода трагическая фигура— человек, в котором убили труженика. Убили те трое, что сидят в правлении колхоза и говорят нормальные, правильные вещи; самое ужасное в том, что говорят они правильные и нормальные вещи, но именно только говорят, а результат — Марья, мертвая, равнодушная, опустившая руки. Мы дописали этот образ.

Изменились несколько и характеры существовавших в этой новелле действующих лиц: они стали спокойнее, обычнее и тем, мне кажется, страшнее.

Мы нигде не давали конечных выводов. Не поучали: так, мол, надо, а так — не надо. Но авторская внутренняя позиция неизменно присутствует: человек обязан быть хозяином своей страны, своей жизни, отвечая за все сам.

Конечно, потери при экранизации возможны. Мне кажется, что чаще всего причина потерь — это пиетет перед литературным началом. Мы не имеем права забывать, что пластическое искусство экрана способно быть соперником литературы, и соперником, вполне осознавшим себя. По-моему, это главное. Потому я и ратую за творческое отношение к экранизируемой литературе. Дословность в изображении губительна и просто не нужна. За экранизацию стоит браться, если можешь сказать во весь голос слово, нужное сегодня. Если нет — не надо экранизировать.

Сейчас съемки фильма закончены. Все это время рядом со мной были друзья-единомышленники: режиссер А. Голованов, оператор И. Богданов, художник Ф. Ясюкевич и, конечно, исполнители главных ролей артисты А. Богданова (она играет Василису), Т. Семина, Н. Дробышева, В. Владимирова, М. Зимин, В. Коняев, И. Лапиков, пятнадцатилетний московский школьник Витя Косых (Пантелей-победитель).

Вероятно, и впредь я буду обращаться к экранизации литературных произведений, и если спросят, какой художник слова сейчас волнует меня, заставляет думать над своими героями, их судьбой, я отвечу: Андрей Платонов.